* * *

А каждый в глубине себя считает лучшим.
Невоплощённым иль непонятым совсем.
И в тайне ждет, что вот счастливый случай
Его внезапно вознесёт на зависть всем.

И мы живём мечтой, как короли в изгнанье.
А случая всё нет, точней, давно прошёл…
Весёлый птах впорхнёт в окошко зданья
Плохой приметою… А станет хорошо.

Допью по капле

Я не включаю сегодня света.
Допью по капле остатки дня.
В морозных сумерках призрак лета
Хранит историю для меня:

Как одиночества бриллианты
С утра нанизывая на нить,
Седая прима, надев пуанты,
Выходит вечером покурить,

Смешать коктейли из дыма с синью,
Дрожа под шалью на сквозняке…
Заросший дворик шуршит полынью.
Окурок тает в сухой руке.

И ароматом неуловимым
Так долго — жданная жизни суть,
Коснувшись мельком, промчится мим
И не окликнуть, и не вернуть.

* * *

Он приходил, пылая злобой,
С наждачным скрипом каблуков,
С упорством искреннего сноба
Элиты проходных дворов.

Из неприметной оболочки,
Сжимающей огонь и гром,
Он взглядом резал на кусочки
Всех находившихся кругом.

Когда ж, наедине с собою,
Он ненавидел свою тень;
Когда за темнотой ночною
Вставал кошмаром белый день,

И гордость, и самопрезренье
Из глубины рвались рекой.
Он извергал стихотворенье
И краткий обретал покой.

* * *

Осень наступила, будто сумерки,
Будто август кончился в душе.
И приснился сон, в котором умер ты,
И с тобой не встретимся уже.

Эти перепутанные сложности,
Смутные пророчества веков,
Личных отношений невозможности
От вселенских тянутся оков.

Жизнь, любовь, само существование
На планете скорбной и родной,
Труд, господство или прозябание —
Ничего не прочно под луной!

Эта осень, будто бы последняя,
В прежнем — человеческом — строю
На посту, шатаясь от усердия,
Будто мышь с винтовкой, я стою.

* * *

Нас привлекает красота
И молодость, и обаянье.
В глазах горящая мечта,
Надежда, счастье, ликованье…

Но юный взор таит порой
Слепое недоразуменье
И полон до краев игрой
Инстинкта саморазрушенья.

А торжество — в противовес —
Во взгляде старика-калеки.
Прикосновение небес
Живёт упрямо в человеке.

Поймал звезду — гори, гори! —
Ночь коротая в одиночку,
Чтоб освещала изнутри
Изношенную оболочку.

* * *

Не просить подтвержденья своей правоте —
Привилегия мудрости сердца.
Но без устали спорят и эти, и те,
Не жалея сарказма и перца.

Экономика в сговор вступает с войной,
Толстосумы играют в «стрелялки».
Мертвецы из-под снега всплывают весной
Среди гор синтетической свалки.

Не прошу подтвержденья. Пытаюсь успеть
Научиться дышать под водою,
Без одежды не мерзнуть, в огне не гореть,
Не скулить, не сдаваться без бою.

Синий кит

В четыре просыпаются маньяки,
Поэты в предвкушении стихов,
Продрогшие голодные собаки
И юные невольники китов.

А синий кит парит в рассветном небе
И под собою видит города.
Средь грезящих о зрелищах и хлебе
Прекрасен, как последняя звезда.

И думает с улыбкою: «Однако
Не полетел бы в небо из воды,
Когда б способен был кормить собаку
Читать стихи и оставлять следы...»

* * *

Общаги ад, клоаки коридоров,
Рядами двери в персональный рай…
Нашла тебя в людских квадратных норах,
Терпения теряющего край.

За полчаса переиграли тонко
Тот разговор, каких-то пара слов —
Всё было бы не так… Слезою звонко
Дрожит струна голосовых основ.

Ты у окна, а я в углу на стуле.
И между нами — прошлого гранит.
Но мы материальность обманули,
Плотясь духовно в прочный монолит.

«Ты всё равно останешься моею!»
Твои слова, как раскалённый шар
В моей груди, и я дышать не смею,
И не принять, и не отвергнуть дар.

Нам годы жить в мучительной разлуке:
Ты без меня, а я — с «очередным».
Твои глаза, твоё лицо и руки…
Ты всё равно останешься моим.

Anti-morales

На мягком ковре отбросов,
Средь груды смердящих тел
Циничный больной философ
Творил всё то, что хотел.

Пресытившись, изнывая,
Он встал; его плоть от плеч
До ног, тотчас очищаясь,
Блеснула, как новый меч.

Сверкая железным телом,
Вспорол на себе броню,
И ангел в сиянье белом
Рванулся навстречу дню.

* * *

С тобою многого не надо:
В тенях и бликах потолок,
Окно в пунктирах звездопада,
Стена с портретами дорог.

Так далеки и эфемерны
Заботы, поиски, дела…
Весь мир с его насущной скверной
За скит пустынный отдала.

Где голос твой бездонным эхом
Тревожит рёберную клеть.
С тобой, питаясь только смехом,
Легко от счастья умереть.

* * *

Я сына в поход провожаю
По землям, вокзалам, годам…
Как будто повторно рожаю,
И сразу, родивши, отдам.

Еду покупаю в дорогу.
В последний ли, знаю ли, раз…
И капли морей понемногу
Скользят пеленою из глаз.

Рюкзак — и свободные руки.
А ноша моя не легка:
Ведь сердце в преддверье разлуки
Стократ тяжелей рюкзака.

* * *

В мундирах узких старые деревья
В тех городах, которым сотни лет.
Листву отбросив, сонная аллея
Хранит теней ушедших тёплый свет.

Мои метанья в сумеречных ветках.
Земли безлюдной гулкий перезвон.
И тайное желанье сбросить клетку,
Что телом мы обыденно зовем.

Душа моя не унесётся к свету
Надменных и возвышенных небес.
Она замрёт запутавшимся ветром,
Где свод смыкает рукотворный лес.

Игрушки

Он к бабушке нагрянул не к добру —
Решительный, циничный, долгожданный…
Своих игрушек россыпь по ковру увидел —
И застыл как деревянный.

И скатерти разглаживая шёлк,
Она, смутившись, это объяснила:
«Как будто ты был… только что ушёл…
Я набросала… Не сердись, мой милый».

Внутри него раздался странный звук.
И он ушёл, не выполнив решенья.
И дробь шагов, и сердца перестук
Сопровождали дискомфорт сомненья.

Домой пришёл. Но ломкий непокой
Не покидал в знакомом интерьере.
Игрушки сына оттолкнул ногой
И замер… Сам себе ещё не веря.

Солдатики закончили войну,
Звал паровозик — всех дорог начало…
Прокралась капля, тронула струну
И обожгла, и правдой зазвучала.

* * *

Аэропорт. Кончаются
Эти пятнадцать дней.
Намертво. Не отдирается
Душа от души твоей.

Словно бинты с коростами
Будет рвать самолёт,
Крыльями белыми острыми
Вскрывая небу живот.

Встретиться вновь… надеждою
Смоет немного лет…
И в новую — «незалежную» —
Уже не купить билет.

Смерть раскидала споры там
Пламенем черноты…
Нашей разлукой вспорота
Земля, где остался ты.

* * *

Тебе ж понравилось! — сказал уверенно.
А мной на это давно отмерено:
Всё — до нуля!

А я железная, я деревянная,
Я вяло-ровная, как будто пьяная:
Вдрызг — до рубля.

Бог обезноженный, колосс развенчанный,
Ты одиночеством моим залеченный…
В пыль — кирпичи.

А я за стенами и за печатями,
Как пьета каменная и печальная.
Кричи… Молчи…

И в эти ночи и утра знойные
Мы оба горькие, и мы — запойные.
Больнее пой!

«Морзянка жизни» — одни мгновения.
И дышишь дымом ты для вдохновения,
А я — тобой.

Председатель

— Не из того материала, —
сказал он, — делали людей.
Ведь ты пока не из металла,
Обтешешься… — Он бросил ей.

Она, сражённая обидой,
Хотела тотчас уезжать
В другой колхоз, туда, где Лидой,
Не «матерьялом», будут звать.

А он взбирался по откосу,
Хромой, упрямый и смешной.
С колючих трав сбивая росы
Своей простреленной ногой.

Пронзая болью, счастьем, жизнью,
Сдавался глинистый откос.
И примирялась с укоризной
Душа, а Дух — страданьем рос.

* * *

Я умирала много дней,
Когда пинок под дых ловила,
Удерживая над могилой
Своих взбесившихся коней.

Из глаз твоих струится ад.
Отомщена стократ, с лихвою —
Вороны ль, чайки надо мною
«Вернись, вернись, вернись…» кричат.

О, растерзайте же меня
На сотню маленьких девчонок,
Чей нежен взгляд и голос звонок,
И сердце — полное огня!

Возьмут пусть каждый по одной,
Играют, мучают, прельщают,
Вновь отвергают, возвращают…
Меня оставьте мне самой…